

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

О. НАГОДИЛ

ЧЕХОСЛОВАЦКАЯ ЭТНОГРАФИЯ ЗА ДЕСЯТЬ ЛЕТ (1945—1955 гг.)

Десять лет прошло с тех пор, когда почти безоружный чешский род восстал, чтобы сбросить с себя душившее его ярмо фашистской оккупации. На помощь этому мужественному патриотическому движению пришла героическая Советская Армия, принесящая свободу, мир, а вместе с ним и широчайшие перспективы для до сих пор невиданного развития экономики, общественной и культурной жизни возникшего народно-демократического государства.

Освобождение Чехословакии Советской Армией пробудило огромные творческие силы нашего народа и направило их на героическую борьбу за построение нового, социалистического общества и новой, национальной по форме и социалистической по содержанию культуры.

Народно-демократический строй открыл огромные возможности для успешного развития науки в нашей стране, одновременно поставив перед ней почетные и ответственные задачи.

«Народное государство,— писал первый рабочий президент Клемс Готвальд,— потребует науку и культуру еще богаче, цветущее и многообразнее, чем она была до сих пор. А чтобы наука и культура получили такой размах, само собою разумеется, потребуются свобода исследований, экспериментов, потребуются не связанные руки, а крылья»¹.

За десять лет наука в свободной Чехословакии прошла большой путь развития, добилась значительных результатов. Значительный путь за это время прошла и чехословацкая этнография.

Чешская и словацкая этнография возникла в эпоху возрождения, на рубеже XVIII—XIX вв., как результат, а одновременно и оружие подвигающегося народно-освободительного движения. В условиях решительного наступления на феодализм, в боях за национальную свободу наша этнографическая наука носила прогрессивный характер. Благодаря таким талантливым исследователям, как П. Шафарик, К. Эрбен и другие, она вышла довольно рано на международную научную арену. Период подъема нашей этнографии завершился основанием журнала «Ceský lid» (1892), организацией Чехословацкой этнографической выставки (1893) и открытием Пражского этнографического музея (1896).

На рубеже XIX—XX вв., когда начался новый этап в развитии капитализма и чешская буржуазия утратила свое прогрессивное мировоззрение,

¹ К. Gottwald, O kulturě a úkolech inteligence v budování socialismu, Прага, 1954, стр. 76—77.

ние, гуманитарные науки, в том числе и этнография, были поставлены на службу реакции. В 90-х годах первенствующая роль в деле создания науки, далекой от народных масс, пропитанной духом космополитизма, ориентации на западноевропейский позитивизм, принадлежит Т. Г. Масарику, сознательно боровшемуся против рабочего класса и его марксистской идеологии. Застой, переживаемый в то время общественными науками, захватил и буржуазную этнографию, последними выдающимися представителями которой были Ч. Зибрт, талантливый последователь Шафарика Л. Нидерле и ученый с широчайшим кругозором Е. Коварж.

Почти вся первая половина XX в. в истории чешской и словацкой этнографии (в связи с общим упадком науки в капиталистическом мире) ознаменована глубоким кризисом. Буржуазная этнография периода первой республики, отказавшись от разработки значительных и теоретически важных проблем, от глубоких критических обобщений, сошла с пути, проложенного ей народными «будителями», отбрасывая прогрессивные патристические и научные традиции прошлого как «романтический» пережиток.

Буржуазная этнография этого периода тенденциозно замалчивала классовую борьбу в чешской и словацкой деревне, идеализировала имевшиеся в ней отсталые экономические и социальные отношения. Она поддерживала лозунг реакционной аграрной партии о «единой сельской семье» утверждением о существовании так называемой «общей», «коллективной», классово недифференцированной народной культуры, носителем которой в первую очередь был зажиточный крестьянин. Этнография стала заниматься эмпирическим изучением одежды и жилища без учета живых людей, их образа жизни и культуры; занимаясь же изучением пережитков, она искусственно конструировала из них систему народных обычаев, оторванных от экономической, общественной жизни народа и его идеологии, всячески преувеличивала религиозность народа и т. д.

Ряд ошибок буржуазной чехословацкой этнографии был результатом господствовавших в ней националистических тенденций, так называемого чехословакизма, сущность которого заключалась в игнорировании этнической самостоятельности словацкого народа, в изображении Словакии прежде всего как заповедника памятников народной культуры, выделяющейся рядом региональных типов одежды, «идиллией» пастушеской жизни и прочее.

После образования народно-демократического государства этнографическая работа в Чехословакии заметно оживилась. Научно-исследовательская работа развернулась на кафедрах этнографии университетов и в некоторых этнографических музеях. Было возобновлено издание журналов «Český lid» и «Národopisný vestník československý». Однако методологически ведущим направлением оставался позитивизм. Прогрессивные представители науки, в частности молодое поколение этнографов, ощущали неудовлетворительное состояние старой чехословацкой этнографии и искали новых путей, указывающих новые перспективы.

Творческое изучение исторического материализма, знакомство с историческим путем, пройденным советской этнографией, и с основными принципами научной работы советских этнографов открыли широчайшие горизонты для плодотворного развития чешской и словацкой этнографии.

Первая общегосударственная конференция этнографов, состоявшаяся в конце января 1949 г. в Праге, констатировала низкий методологический уровень этнографической работы в тот период и несоответствие его новым, высоким задачам, вставшим перед чехословацкой наукой. Конференция указала, что этнография не может больше оставаться «наукой для науки», с характерным для нее объективистским фактографированием. Как наука о народе, этнография должна прежде всего служить народу, ее исследования должны быть связаны с конкретными потребностями и задачами строительства социализма в нашем государстве.

Этнографическая конференция 1949 г. явилась переломным моментом в истории чешской и словацкой этнографии, знаменующим наступление новой эпохи в развитии нашей этнографической науки. Она послужила началом многих творческих научных дискуссий, в процессе которых чехословацкие этнографы полностью осознали беспомощность, бесперспективность и реакционность буржуазной методологии.

Исторические и историографические труды академика Зденка Неждылики обратили внимание этнографов на прогрессивные традиции прошлого, на патриотические труды народных «будителей» и их последователей. Реорганизация этнографического органа «Český lid» (1951) представляла собой значительный шаг вперед в развитии чехословацкой этнографии, переходе ее на новые пути научной работы.

Вторая общегосударственная этнографическая конференция (1952) по существу завершившая период методологических дискуссий, выработала ясный теоретический фундамент дальнейшей работы и четко наметила основные задачи современной этнографии. Результаты претворены в жизнь намеченных задач подтвердили правильность решений широкого коллектива чехословацких этнографов.

В результате открытия в 1949 г. Исследовательского Института этнографии Словацкой академии наук, открытия Этнографического кабинета в составе новой Чехословацкой академии наук (1953), а позднее в ней же Института этнографии и фольклора (1954) с филиалом в городе Брно, были созданы научно-исследовательские учреждения, которые стали центрами этнографической работы Чехословакии.

Имевшие место дискуссии указали на необходимость усиления работы в области теории этнографии. Знакомство широких кругов научных работников с ранее умышленно замалчиваемыми трудами Л. Моргана и классическим трудом Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» позволило выяснить важные вопросы истории первобытного общества. Публикация работ, посвященных значению трудов И. В. Сталина для этнографической науки, способствовала разоблачению влияния так называемого «нового учения о языке» Н. Я. Марра и его последователей, выяснению ряда проблем этнографических исследований, показала необходимость правильного применения в этнографии сравнительно-исторического метода и т. д.

Информационные работы, освещающие состояние советской этнографии и фольклора и их основные теоретические положения, а также публикация в чешском и словацком переводах самих работ советских исследователей оказали нам огромную помощь в поисках новых путей в научно-исследовательской работе. В области теории этнографии необходимо отметить работы по вопросам истории первобытной культуры, в частности по истории первобытной религии и ее происхождению (О. Нагодил), методологические работы по истории чешской народной культуры (Я. Крамаржик, Э. Балаш, В. Шайфлер и др.) и, наконец, материалы по изучению современной кооперированной деревни и промышленных областей (Я. Крамаржик, Я. Мяртан, О. Скалникова, К. Фойтик и др.).

Важнейшим участком работы чехословацких этнографов является разработка собственно этнографии Чехословакии, где необходимо внедрение марксистско-ленинского принципа последовательного историзма. Если ранее этнографы не осознавали необходимости работать над воссозданием истории чешской и словацкой национальной культуры рука об руку с представителями других исторических дисциплин, то в настоящее время чехословацкая этнографическая наука полностью понимает необходимость претворения данной задачи в жизнь.

Разделяя точку зрения этнографов, наши историки и археологи считают, что нельзя полностью осветить процесс исторического развития чехов и словаков без привлечения важнейших результатов этнографических исследований.

В прошлом этнографические исследования в Чехословакии ограничивались тематическим сбором архаических памятников материальной культуры определенной территории и публикацией их без исторического анализа, без хронологической датировки, без объяснения исторического места, занимаемого ими в жизни и культуре народа. Даже в первые годы после освобождения Чехословакии наблюдалось стремление сконцентрировать основное внимание на охране местных памятников старины, на фиксации быстро исчезающих элементов народной культуры. Эти требования были частично оправданы. Действительно, нужно было в первую очередь обратить внимание на быстро исчезающие элементы народной культуры, прежде всего архитектуры, например, исследовать наиболее старые деревянные строения, отметить их особенности, принять меры к сохранению наиболее характерных памятников прошлого, а вместе с тем, естественно, познакомиться и с современным сельским строительством и, таким образом, дать полную картину развития народного жилища не только в прошлом, но и в настоящем, наметив одновременно перспективы на будущее.

Огромная помощь чехословацкого правительства в деле охраны памятников народной архитектуры дала возможность в последние годы развернуть широкую работу по изучению народного зодчества в ряде чешских краев и областей. Большое значение для успеха этой работы имела координация деятельности отдельных институтов по исследованию и охране памятников народной культуры (Институт этнографии и фольклора Чехословацкой академии наук, Чехословацкое этнографическое общество, кафедра истории архитектуры Высшей школы архитектуры и наземного строительства в Праге, Государственное управление по охране памятников старины при Министерстве культуры и т. д.), а также выработка общих методических принципов полевой работы и фиксации материала. Уже несколько лет чехословацкие этнографы совместно с архитекторами и искусствоведами проводят работу по описанию материалов и составлению общих обзоров чешской сельской архитектуры, конечным результатом которой будет исследование специфических народных черт чешской национальной архитектуры.

Несомненно, эта работа имеет большое значение. Однако она далеко не исчерпывает стоящих перед нами задач. Основное внимание этнографы Чехословакии сосредоточили на исследовании современной культуры и быта чешского и словацкого народа, с учетом как исторических процессов прошлого, так и изменений, происходящих в жизни народа в период построения социализма.

При рассмотрении глубоких революционных изменений в современной культуре народов Чехословакии на первое место выступает необходимость этнографических исследований промышленных областей и кооперированной деревни. В данной области уже проведены рекогносцировочные работы в отдельных районах.

Полевая исследовательская работа в рабочих центрах промышленных областей — совершенно новое явление в чехословацкой этнографии. Как известно, при организации Чехословацкой этнографической выставки некоторые из ее организаторов считали необходимым, чтобы на ней были представлены материалы о жизни и культуре чешского пролетариата. Споры, возникшие вокруг этого вопроса, окончились решением не устраивать на выставке экспозиции по быту рабочих. Буржуазные интеллигенты не считали рабочих частью нации, достойными представителями народа. Равным образом чехословацкая буржуазная этнография периода первой республики не проявляла должного интереса к культуре и образу жизни рабочего класса. Понятно, что в данной области было необходимо начать с выработки специфической методики новых форм исследований, уяснив предварительно сущность проблематики этнографического изучения рабочих центров.

Старые традиции в горнодобывающей и металлургической промышленности Чехословакии и революционный характер рабочего движения в шахтерских областях стимулировали изучение образа жизни и культуры рабочего класса в первую очередь именно в областях, заселенных горняками. Широкая исследовательская этнографическая работа развернулась в промышленных центрах Кладненской и Кралупской области (О. Скалникова, Я. Патэра, А. Робек, И. Геролдова и другие), приче в ней одновременно принимали участие историки, специалисты по вопросам рабочего движения (Я. Гавранек и другие) и фольклористы (Я. Ех, Д. Рыхнова, Я. Спилка и другие). В Росицко-Ославанской шахтерской области работают этнографы и фольклористы Брненского отделения Института этнографии и фольклора Чехословацкой академии наук (К. Фойтик, О. Сироватка). Результаты комплексного этнографического фольклорного изучения населения угольных центров в Жакаровцах в Словакии (Я. Мяртан, Я. Подолак, С. Ковачевичова, Б. Филова и другие) и участия венгерского этнографа Б. Гунды) были удостоены премии Словацкой академии наук за 1954 год.

Рекогносцировочные этнографические работы были проведены в пограничных чешско-польских промышленных районах Остравы (А. Робек с коллективом этнографов-студентов Карлова университета) и в районе города Ждяра над Сазавоу (О. Скалникова, Я. Станькова и другие), где только в последнее время происходит становление крупных промышленных центров, а в связи с этим наблюдаются процессы создания культуры и быта городского населения.

Эта работа принесла первые благодарные результаты. Этнографы проводят исследования промышленных центров в последовательно историческом аспекте, прослеживая развитие рабочего класса с момента его зарождения, историю рабочего движения, формирование специфических черт культуры и образа жизни рабочего класса в прошлом и в настоящее время. Изучение характерных черт культуры, как общих для рабочего класса и крестьянства, так и отличающих их друг от друга, помогает решению сложных вопросов специфики чешской и словацкой народной культуры. В результате работ этнографов открываются новые черты культуры и образа жизни пролетариата в прошлом и в наши дни: при помощи этнографических исследований, в частности фиксации рассказов старых рабочих, записи рабочих песен и т. д., значительно обогащается история рабочего движения. Лучшие научно-исследовательские работы по изучению культуры и быта рабочих свидетельствуют о правильности выбранного пути и об актуальности этого нового направления в чехословацкой этнографии, получившего положительную оценку широкой общественности.

Другой основной задачей чехословацкой этнографии, опять-таки совершенно новой с тематической и методической стороны, является изучение культуры и образа жизни кооперированного крестьянства. Большую помощь при выработке основных методических принципов в данной области оказала нам дискуссия советских этнографов по вопросам этнографического изучения колхозного крестьянства в СССР. Большое значение имела третья общегосударственная этнографическая конференция (замок Либлице, 1953), в центре внимания которой стояли вопросы методики полевой исследовательской работы по изучению кооперированной деревни.

Полевые исследования кооперированной деревни были начаты в 1952 г., когда появились первые программные работы методического характера. В Чехии были проведены первые пробные работы на территории Горшовскотынской области (под руководством Я. Крамаржика), в Моравии — на территории Валахии (К. Фойтик). Было начато также исследование культуры кооперированного крестьянства в Силезии (работы организованы Х. Подешовой) и в Словакии (под руководством Я. Мяртана).

Ряд работ и сообщений о полевых исследованиях, появившихся в чешских и словацких этнографических журналах, свидетельствует о том, что задача этнографического исследования кооперированного крестьянства не только очень важна, но и очень сложна. Она требует, в частности, дальнейшего углубления методических основ полевой работы, для чего прежде всего необходимо тщательное изучение политической экономии переходного периода от капитализма к социализму. Можно, однако, ожидать, что чехословацкие этнографы с успехом преодолеют стоящие перед ними трудности. Всемирное развитие и совершенствование научно-исследовательской работы по изучению культуры и быта народных масс будет способствовать не только раскрытию огромных перемен, переживаемых всей национальной культурой в связи со строительством социализма в Чехословакии, но и решению сложной проблемы формирования социалистических наций чехов и словаков.

Наряду с указанными выше основными видами этнографических исследований, имевшими место в последние годы, в широких размерах проводились и отдельные региональные исследования, организованные Чехословацкой академией наук, Словацкой академией наук, кафедрами этнографии в университетах, Чехословацким этнографическим обществом, Силезским научным институтом, музейными центрами и другими учреждениями. Для примера можно назвать отдельные этнографические работы на территории Ходской области и в Силезии (Я. Крамаржик), изучение чешской и немецкой народной архитектуры в северной Чехии (И. Счейбал), изучение народной одежды на территории Моравии (Л. Кунц) и Словакии (С. Ковачевичова, Я. Паткова, В. Носалёва, Д. Странска, Я. Станькова и другие), изучение старой техники народного строительства в Словакии (К. Хотек), народного жилища в средней, северо-восточной и восточной Чехии (В. Пражак), изучение славянских промыслов и народных традиций по сплаву леса на Влтаве (В. Шольц) и ряд других работ, отличных друг от друга своей тематикой, продолжительностью и характером исследований, наконец, и ценностью достигнутых результатов.

Кроме этнографических работ среди чешского и словацкого населения, ведутся полевые исследования и среди национальных меньшинств. В первую очередь нужно отметить (как по размерам проводимых исследований, так и по их результатам) работы комплексной экспедиции среди украинского населения (бойки и лемки) Пряшевского края восточной Словакии. Комплексная экспедиция, которая начала свою работу в 1953 г. и продолжала ее в 1954 г., имела в своем составе, наряду с этнографическим отрядом (под руководством О. Нагодила), фольклорный (под руководством Е. Врбцовой) и диалектологический (В. Латта, Я. Моравец, М. Затовканюк и другие) отряды. Этнографический отряд проводил работы по исследованию пережиточного бытования патриархальной большой семьи и форм ее распада, собиранию материала по местной терминологии родства и свойства, изучению местных традиционных и современных видов народного костюма и другие.

По инициативе Словацкой академии наук в 1954 г. были начаты с участием венгерских ученых работы по изучению венгерского населения Словакии. Изучение польского населения нашло свое отражение в отдельных исследованиях на территории Силезии.

Необходимо особо подчеркнуть значение этнографических исследований национальных меньшинств на территории Чехословакии. Без этих исследований научная работа в области чешской и словацкой этнографии была бы значительно обесценена, нельзя было бы выявить взаимовлияния отдельных этнических групп, общих и отличных черт в этнографическом облике отдельных народов. Помимо этого, исследовательские работы среди национальных меньшинств служат эффективным средством в борьбе с пережитками буржуазного национализма. В этом аспекте пионерами являются некоторые этнографы (прежде всего Е. Чайанкова),

занимающиеся изучением цыганского населения. В данной области работы были достигнуты ценные научные результаты.

Приведенный краткий обзор теоретических и полевых исследований чехословацких этнографов наглядно иллюстрирует небывалый размах научной работы. Исследования по этнографии чехов и словаков, направленные главным образом на изучение современной народной культуры рассчитаны на длительное время и составят основную задачу будущего.

Очень важным участком деятельности чехословацких этнографов является изучение истории народной культуры чехов и словаков и, в частности, проблемы национальной специфики народной культуры. Как известно, позитивистская наука прошлого, рассматривавшая большинство элементов народной культуры вне исторического аспекта, не смогла решить этой задачи.

Проводимые в настоящее время работы по изучению истории народной культуры охватывают период времени от эпохи национального возрождения до наших дней. Отдельные работы в данной области отличаются друг от друга по своей тематике и по освещаемому отрезку времени. Разрабатывается проблема характера народной культуры в период национального возрождения (Я. Крамаржик), истории земледельческой техники и земледельческого хозяйства чешской деревни (И. Геролдова собираются материалы по истории сельской архитектуры (Е. Балаш), Я. Крамаржик и другие), обрабатываются данные по истории ремесел (Я. Шейфлер), наконец, разрабатывается и ряд фольклорных тем.

Разработка истории чешской и словацкой народной культуры является в полном смысле слова патриотическим долгом чехословацких этнографов. Только в настоящее время перед нашей наукой открылись все возможности для работы в данной области, и, без сомнения, чехословацкие этнографы с успехом выполняют поставленную перед ними задачу.

Если чехословацкие этнографы проделали большую работу по изучению чешской и словацкой народной культуры, то они все еще остаются в большом долгу перед славянской этнографией, родиной которой была Чехия, среди создателей и представителей которой были такие известные ученые международного масштаба, как И. Добровский, П. И. Шафарик, К. Иречек, Л. Нидерле, М. Мурко. Несмотря на то, что необходимость расширения работ в данной области для нас совершенно очевидна, область славянской этнографии остается до сих пор одним из самых слабых участков деятельности чехословацких этнографов. Издания труда Шафарика «Славянская этнография», работы о болгарском жилище в Родопях (Х. Хынкова), краткие статьи об искусстве и одежде лужицки сербов и болгар (Д. Странска), организация выставок болгарского народного творчества, проведение на университетских кафедрах лекций по славянской этнографии далеко не исчерпывают задач на этом важном участке работы.

Довольно неутешительная картина наблюдается в изучении этнографии неславянских народов Европы. Хотя в этой области появились некоторые отдельные работы, как, например, богатые этнографическим материалом исследования о культуре и быте скандинавских лопарей (В. Мзек), очерк этнического состава населения в Добрудже (И. Сего) и другие, однако этого еще очень мало. Основной причиной слабой работы в данной области является, прежде всего, отсутствие в прошлом подготовленных специалистов по этнографии неславянских народов Европы, а также и то факт, что в настоящее время чехословацкие этнографы заняты разработкой других актуальных проблем. Необходимо в ближайшем будущем начать подготовку специалистов и в данной области, в частности по венгерской, немецкой, румынской и албанской этнографии.

В области этнографии народов других частей света достигнуты более значительные успехи. Если в период буржуазной республики эта область этнографии почти полностью игнорировалась, то после освобождения об

наружилось, что очень слабо привлекались к работе выдающиеся этнографы старшего поколения, располагающие богатыми знаниями как по этнографии, так и по лингвистике Азии, Америки, Австралии. Чехословацкая этнография последних лет, продолжая великие прогрессивные традиции в истории чешской науки, традиции чешских гуманистов — путешественников и исследователей, совместными усилиями представителей старшего и младшего поколения этнографов и востоковедов расширила географические рамки своих исследований рядом ценных работ.

На экспедиционном материале написаны работы по этнографии цейлонских народов, в частности о старой земледельческой технике и способах обработки металла на Цейлоне (О. Пертольд). Значительны по своему характеру и статьи этно-лингвистического характера, посвященные классификации древних обитателей Америки и их языку (Ч. Лоукотка совместно с французским исследователем П. Риве), а также этнографии отдельных областей Южной Америки, как, например, классификации племен северо-восточной Бразилии и языков группы тупи-гуарани, классификации племен и племенных языков аборигенного населения Австралии и Новой Гвинеи (Ч. Лоукотка) и тунгусо-маньчжурских народностей (С. Нагодил). Сюда же надо отнести и отдельные этнографические очерки культуры и быта доколумбова населения Америки (Ч. Лоукотка, В. Шольц), работы в области южноиндийской, главным образом тамильской этнографии (К. Звелебил), в области этнографии сибирских народностей и их религиозных представителей в прошлом (О. Нагодил) и другие.

Современная чехословацкая наука, как говорилось выше, высоко ценит культурное наследие прошлого, труды прогрессивных деятелей старой науки. Работы в области истории этнографии открывают до сих пор неизвестные или умышленно ранее замалчиваемые результаты ряда научных исследований прошлого и делают их достоянием широкой общественности. В последние годы появился ряд работ с переоценкой значения трудов старых чешских путешественников и их вклада в этнографическую науку, как, например, Мартина Кабатника, который оставил нам прекрасное и этнографически ценное описание своего путешествия в Палестину и Египет (конец XV в.). Чехословацкая наука большое внимание уделяет известным представителям этнографии и фольклористики эпохи национального возрождения, как, например Божене Немцовой и ее работам о ходах, классику чешской фольклористики К. Эрбену, Ф. Л. Челаковскому, Л. Штуру и его последователям. При подготовке к изданию чешского перевода трудов Моргана стал известен тот большой вклад в общую этнографию, который был внесен одним из крупнейших представителей чешского рабочего движения Б. Шмералем. Исследования по истории чешской этнографии сочетаются с чрезвычайно кропотливой библиографической работой.

В связи с большим размахом научной работы в области этнографии неевропейских народов на повестку дня встал вопрос о переоценке научного значения наследия чешских и словацких путешественников XIX и XX вв., ибо в трудах некоторых путешественников мы находим не только богатый этнографический материал, но и имеющие большую ценность, прогрессивные для своего времени научные выводы. Так, например, очень ценный материал содержат труды путешественника по южноамериканскому континенту Альберта Войтеха Фрича, который в свое время осудил замалчивание в чешской науке трудов Моргана. Фрич оставил нам собрание материалов о жизни до него не известного, а в настоящее время полностью вымершего племени кукура, о языке и культуре племен ангаите и санапана, раньше почти неизвестного племени пилага, так же как и материалы о жизни и обычаях племени бороро и ряда других племен. В настоящее время заново переиздаются труды Фрича, в которые включаются ранее не публиковавшиеся путевые дневники, заметки методологического характера, словари местных племенных наречий и ряд других

очень интересных материалов. Большое внимание уделяется этнографическому наследию чешского корабельного врача Вацлава Свободы, труда чешского врача Павла Дурдика по этнографии островов Суматры Ниаса. Большую ценность в трудах Дурдика, как обнаружилось в процессе их изучения, представляет описание матриархата у малайского населения средней Суматры, сопровождающееся теоретическими выводами приоритете матриархата над патриархатом.

В последнее время наметилась в изучении истории нашей этнографии и фольклористики новая, очень важная задача обработки этнографического и фольклорного наследия национального героя Юлиуса Фучика, который уделял большое внимание изучению культуры советских средних азиатских народов и лично записал образцы их устного народнопопеческого творчества. Рукописное наследие Ю. Фучика будет в самое ближайшее время обработано, и его материалы станут доступны широким кругам общественности.

Изучение прогрессивных традиций в истории чешской и словацкой этнографии способствует не только обогащению этнографической науке и усилению национальной гордости широких народных масс, с нетерпением ожидающих каждой новой работы в этой области и с любовью ее принимающих. «Культурное наследие, которое мы получили от наших предшественных поколений, является составной частью нашего национального творческого процесса, а стало быть в прямом смысле слов собственностью всего народа», пишет Президент республики Антон Запотоцкий².

Состояние современной этнографической работы в Чехословакии лучше всего характеризуют периодические публикации, в первую очередь публикации Чехословацкой и Словацкой академий наук. Один из центральных журналов Чехословацкой академии наук «Československá etnografie» (основан в 1953 г.) получил среди международной научной общественности признание центрального теоретического журнала в области чехословацкой этнографии и фольклора. Другой журнал Чехословацкой академии наук «Český lid» после реорганизации стал крупным научно-популярным органом в области этнографии и фольклора. Развивая прогрессивные традиции своего прошлого, нераздельно связанные с именами Зибрты и Нидерле, журнал «Český lid» возобновил работу на основе марксистско-ленинской методологии, опираясь на пример советской этнографической науки. На страницах этого журнала, известного далеко за границами Чехословакии, освещаются проблемы чешской и словацкой этнографии и фольклора, как и некоторые важные проблемы теоретического характера, в первую очередь этнографическое изучение современности. Важный вклад в этнографическую работу вносит журнал Словацкой академии наук «Slovenský národopis», который начал выходить в 1953 г. как продолжение ранее нерегулярно выходившего издания «Národopisný sborník». Местные журналы «Radostná zeme» («Радостная земля»), «Valašsko» («Валахия»), а также ряд журналов краеведческого и просветительского характера публикуют на своих страницах богатый этнографический и фольклорный материал.

Большой размах получила подготовка научных кадров в чехословацких университетах. Значительно увеличилось число и вырос уровень лекций по теории этнографии, введены курсы по этнографии народов мира, по истории первобытного общества, по методике полевых исследований, расширились лекционные курсы по славянской этнографии, введен курс лекций по организации этнографической работы в музеях и другие. В связи с реформой высшего образования выросли преподавательские

² Письмо Президенту клуба «Za starou Prahu» от 29 сентября 1950 г. Цит. в журнале «Český lid», 1951, стр. 221.

кадры на отдельных кафедрах этнографии. Наибольшего успеха в области подготовки этнографических кадров достиг коллектив кафедры этнографии Карлова университета в Праге, руководимый заслуженным ученым проф. Отакаром Пертольдом. В настоящее время отдельные этнографические курсы читаются и на кафедрах смежных специальностей, как например, на кафедрах археологии, географии, архитектуры и других. Организация аспирантуры открыла перед наиболее талантливыми молодыми специалистами возможность стать высококвалифицированными научными работниками в области этнографии.

Успехи новой этнографической науки в значительной мере связаны с работой музейных центров. Больших успехов добился коллектив этнографов Напрсткова музея всеобщей этнографии в Праге (под руководством Ф. Кршняка) как в области организации музейных фондов, так и в области создания целого ряда тематических, актуально важных выставок. Так, например, выставка «Из Чехии на другой конец света» пользуется заслуженным успехом, прежде всего благодаря своему патристическому характеру. Выставка подтверждает на примере многих экспонатов приоритет чешских исследований в далеких странах, популяризирует ряд крупных чешских этнографических открытий. Этнографическое отделение Национального музея (руководитель С. Ф. Свобода) также добилось серьезных успехов, прежде всего благодаря открытию первой части новой этнографической экспозиции. Воссозданы коллекции этнографического отделения Моравского музея в Брно (под руководством Л. Кунца) и в ряде других городов.

Чехословацкие этнографы — музейные работники осваивают новые методы музейной работы и в настоящее время уже достигли первых значительных успехов. Тесное деловое сотрудничество этнографических музеев с исследовательскими академическими центрами и высшими учебными заведениями, как это имеет место в Словакии, является основной гарантией успешного развития этнографической исследовательской работы.

Чехословацкие этнографы с гордостью подводят итоги своей работы за первые десять лет существования народно-демократического государства. Благодаря овладению марксистско-ленинской методологией и примеру советской науки чехословацкая этнография преодолела прежний застой и создала необходимый фундамент для своего развития, для решения важных задач, выдвинутых социалистическим строительством.

Эти задачи будут разрешены совместными усилиями всех творческих работников, и эпоха построения социализма станет временем расцвета чехословацкой этнографической науки.